

Зейналова Лариса Михайловна
ZEYNALOVA L.M

кандидат исторических наук / PhD in history
доцент / assistant professor,
зав.кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин
head of department
НОУ ВПО ИГУПИТ

Ведущие направления научных исследований политико-правовой проблематики в контексте российской модернизации 1990-х годов

Leading research trends of political and legal issues in the context of Russia's modernization of the 1990s

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы концептуального осмысления постсоветской реформации общественного строя в России. Отмечается, что процесс становления новой политической системы страны носил сложный и драматический характер, в связи с чем активизировался научный интерес к разработке проблем государственного строительства, связанных, прежде всего, с дальнейшим развитием федеративных отношений, конституционного законодательства и парламентаризма. В статье подчеркивается, что усилиями ученых первого постсоветского десятилетия была заложена теоретическая база для дальнейшего совершенствования политико-правового обеспечения модернизации общества и государства.

Ключевые слова: демонтаж советского строя, проблемы государственного устройства, федеративные отношения, национальный вопрос, права человека, централизация власти, российский парламентаризм.

The Abstract: The problems of conceptual understanding of the post-Soviet reformation of the social system in Russia. It is noted that the process of establishing a new political system of the country wore a difficult and dramatic, in connection with what has intensified scientific interest in the development of state-building issues related primarily to the further development of federal relations, constitutional law and parliamentary system. The article emphasizes that the efforts of the scientists first post-Soviet decade laid the theoretical basis for further policy development and legal support the modernization of society and the state.

Key words: the dismantling of the Soviet system, the problems of government, federal relations, the national question, human rights, the centralization of power, the Russian parliamentarism.

***

После распада СССР Россия вступила в этап своего суверенного развития, потребовавшего законодательного закрепления изменений, которые произошли в стране после демонтажа советского строя и системы советской государственности. Однако формирование новой системы власти, призванной обеспечивать демократический курс страны, было крайне сложным и драматичным. Начатый еще в период горбачевских реформ процесс децентрализации и суверенизации среди союзных республик, распространился и на субъекты России, что грозило утратой управляемости страной. Стабилизировать ситуацию удалось после принятия в декабре 1993 г. Конституции, в которой нашли отражение основополагающие принципы правовой системы Российской Федерации, кардинальные перемены, произошедшие в обществе и государстве. Вместе с тем процесс становления новой

государственности был еще далек от завершения, сохраняли остроту звучания многие проблемы, связанные с необходимостью правового урегулирования деятельности всех ветвей власти страны, взаимоотношений ее федерального центра с регионами.

Глубокое и всестороннее понимание неустойчивого состояния страны активизировало в ее интеллектуальных кругах интерес к политико-правовой проблематике, прежде всего, к вопросам государственного строительства.

Усиление центробежных тенденций в политике регионов, нарушение конституционной законности в Чеченской республике обострило потребность в концептуализации проблем федерализма. Поэтому важным сюжетом научных исследований тех лет являлся вопрос о том, каким должно быть государственное устройство России. Ответ на этот вопрос увязывался с необходимостью укрепления федерализма как наиболее оптимальной и перспективной формы политической организации российского общества. Круг проблем, связанных с изучением федерализма, охватывал, прежде всего, вопросы, касающиеся сущности самого понятия «федерализм», а также его назначения, функций, места и роли в жизни общества и государства.

В методологическом плане исследование данных вопросов осуществлялось на базе как сравнительного подхода к анализу политических систем России и других стран, так и более глубокого изучения процессов специфики становления и развития отечественной федеративной государственности. В контексте осмысления данной проблематики были определены нормативно-правовые основы федерализма как формы государственного устройства. В числе типичных черт федерации были выделены следующие: добровольность объединения государств в единое союзное государство; равноправие субъектов федерации; принцип законности и конституционности формирования федерации, соблюдение общепринятых законов федерацией и ее субъектами; разграничение сферы компетенции центральных и местных государственных органов [1, с.7].

Вместе с тем в исследованиях подчеркивалось, что формально-юридическое понимание природы федерализма существовало больше как идеальный образец, с которым могло сопоставляться государственное устройство, существующее в реальной жизнедеятельности страны. В действительности федерализм невозможно уложить в однозначную схему, он обнаруживает широкий разброс форм (от демократии до авторитаризма) и мотивирует различные тенденции, в контексте которых взаимодействия между центром и его субъектами могут строиться как на основе подчинения и сотрудничества, так и на базе независимости и соперничества [2, с. 10].

Анализируя состояние российского государственного строительства, в исследованиях выделялись дефекты отечественного федерализма, сохранение которых было сопряжено с конституционной нестабильностью, разнородной статусной ролью составляющих федерацию частей. Новое федеративная российская государственность, начавшая оформляться с 1990- годов, имела существенную особенность – она возникла первоначально как договорная федерация, предполагающая придание субъектам федерации статуса ее учредителей. После принятия в 1993 г. Конституции ряд субъектов уже конституционной федерации сохранил претензии на особый статус и полномочия. Поэтому федеральному центру пришлось продолжить практику заключения внутригосударственных договоров о разграничении полномочий с органами власти своих субъектов. Подобное положение создало не вполне понятную правовую ситуацию, не имеющую прецедентов в мировой практике. Дополнение конституционной федерации элементами договорной привело к существованию различных объемов полномочий формально равноправных ее субъектов. Преодоление этого правового противоречия стало увязываться с формированием ассиметричной федерации, предполагающей сосуществование в едином целом наряду с субъектами, имеющих равный

объем полномочий и прав, других субъектов, обладающих меньшим их объемом. В мировой практике известна такая форма государственного устройства. Однако, ассиметризм эффективен, когда он имеет центростремительную природу. В России он приобрел иной центробежный характер, связанный с желанием субъектов иметь все больший объем полномочий, что могло привести к общегосударственной дезинтеграции. По мнению ученых, преодолению этой нежелательной ситуации могло способствовать движение по пути унификации статуса субъектов, в контексте которого будет обеспечиваться переход к симметричной Федерации [3, с. 21]. Вместе с тем в исследуемый период так и не удалось выработать единый алгоритм действий по проблемам дальнейшего развития федеративных отношений. На всем протяжении 1990-х годов политическую жизнь страны продолжала определять задача повышения самостоятельности субъектов Федерации, что свидетельствовало об ослаблении возможностей федерального центра противостоять разрушительным тенденциям. Разумеется, как подчеркивалось в исследованиях тех лет, становление российского федерализма предполагало разрешение в первую очередь экономических задач, связанных с осуществляемым реформационным процессом. Но именно неудачи экономического реформирования не давали возможности Центру усиливать свое влияние на регионы, серьезно затрудняя создание экономического, правового и социального пространства [4, с. 5].

В комплексе исследований вопросов развития федерализма выделяется также анализ функционирования субъектов федерации в пределах этнических рубежей. В исследованиях подчеркивалось, что федерализм в отечественной государственной практике был связан с национальным вопросом. Так, согласно теориям советского времени федеральный строй должен был соответствовать национальной структуре населения страны. Конституционно отстаивалось право нации на самоопределение вплоть до образования независимого государства. Однако механизм такого процесса не был предусмотрен, так как федеративный принцип государственного строительства выступал средством денационализации и формой перехода к дружбе народов, слиянию наций. Постсоветский российский федерализм, сохраняя национально-территориальную архитектуру, высветил всю сложность урегулирования межнациональных отношений в полиэтничном государстве. Становление постсоветской федеральной системы даже после ее конституционного закрепления сопровождалось нарастанием общественной конфликтности. В связи с этим в исследуемый период активизировался научный интерес, прежде всего, к проблематике этнополитических конфликтов, к вопросам их возникновения и способам преодоления. По мнению исследователей, основной путь к межнациональному согласию проходит через экономику, однако кризисное состояние этой сферы и ныне не способствует устранению конфликтного потенциала национальных отношений [5, с. 34]. В исследуемый период при выработке научных подходов к национальному вопросу предлагалось направить развитие государственного устройства страны либо по пути формирования федерации регионов, либо выработки такой наднациональной идеи, в контексте которой возможно минимизировать проявления, как национального сепаратизма, так и шовинизма, связанного с реанимацией унитаризма. Решающее значение в формировании постсоветской интегральной политической структуры, по мнению исследователей, должна была играть взаимная совместимость народов, различающихся по своим этнокультурным корням и традициям [6, с.114]. Сохраняла актуальность необходимость теоретической разработки проблемы субъектов Федерации, их дальнейшего развития и утверждения принципов самоуправления, не создающих угрозу единству и целостности России. В числе мер по урегулированию межнациональных отношений предлагалось поддерживать создание межрегиональных объединений, способных привести к естественному формированию новых, более крупных и жизнеспособных субъектов в полиэтничном государственном пространстве страны [7, с. 48-49].

Однако в условиях кризисного состояния общества федеральным органам не удалось выработать четкую национальную политику, что в значительной мере осложняло возможность стабилизации межнациональных отношений в России [8, с.34]. Напряженность в этой сфере обостряли активизировавшиеся миграционные процессы и усилившиеся в связи с этим проявления национальной предубежденности, негативных национальных стереотипов. Правовая неопределенность федеративного устройства страны способствовала сохранению тревожных тенденций к конфедерации, выступавших благодатной почвой для развития сепаратистской практики и затруднявших процесс консолидации российских территорий и Центра. В связи с этим в этот период в более глубокой проработке нуждались многие вопросы теории наций, их самоопределения, суверенитета, национализма. В новых условиях развития страны данные проблемы получили весьма неоднозначную интерпретацию, что также не способствовало преодолению межнациональной напряженности. В научных исследованиях анализировались также проблемы русского народа, являющегося государствоформирующим этносом в России. В контексте анализа проблем его самосознания, культуры, традиций обращалось внимание на процесс нарастания русофобии внутри России. Формирование отрицательного образа России и русского человека в регионах ближнего зарубежья вызвало отток русских из обжитых прежде мест, что тормозило развитие интеграционных процессов на территориальном пространстве бывшего Советского Союза. Не способствовали стабилизации межнациональных отношений экстремистские силы, эксплуатировавшие лозунг «Россия – для русских», отстаивающие идею создания Русского государства на территории Российской Федерации. Однако при бесспорном понимании ошибочности данных взглядов, тревожило другое – положение о консолидирующей роли русского народа в российском государстве оставалось декларативным, не способствующем, как преодолению разобщенности русской нации, так и достижению действительного равноправия всех субъектов Федерации [9, с. 237]. Следует подчеркнуть, что при выработке новых концептуальных подходов к национальной политике России было преодолено использование идеологием советского времени об «интернациональном единстве», «дружбе народов», «русском старшем брате», которые позволяли рассматривать национальную проблематику преимущественно в позитивном ракурсе при замалчивании причин существования в этой сфере противоречивых явлений.

В научном дискурсе тех лет вероятность формирования реального федерализма увязывалась с развитием демократии. Вместе с тем учеными признавалось, что продвижение России к федерализму, предполагающего развитие политической и межэтнической толерантности, умножение правового и демократического общественного потенциала, безусловно, будет весьма трудоемким процессом, обусловленным в первую очередь общей неразвитостью в стране опыта демократического развития. Чтобы креп и развивался демократически-правовой строй нужна не только отвечающая его духу и букве институционально-нормативная система, еще более нужны граждане, из которых он бы органически вырос [10, с. 96]. Поэтому процесс модернизации политического порядка в стране увязывался с необходимостью создания и укрепления условий для политической активности самых широких слоев населения [11, с.73]. В качестве критерия эффективности политических процессов в стране были признаны по опыту стран развитой демократии универсальные ценности прав человека. В этой связи актуализировалась потребность в теоретическом анализе, как самой идеи прав человека, так и методов ее осуществления. Уже в годы перестройки приоритетным направлением реформационных перемен выступало расширение социального пространства для реализации прав человека, активизации человеческого фактора в целом. Через демократизацию общественной жизни, предполагающую полное осуществление права на свободу слова, собраний, политических объединений, пассивного и активного выборного права и через право на частную собственность, свободу рыночной конкуренции, планировалось обеспечивать улучшение

материальных условий жизни населения страны. Именно это было решающим фактором, обеспечившим широкую социальную поддержку новому курсу реформ. По мере его реализации в годы перестройки и в дальнейшем развитии России институциональное закрепление получили организация выборов, свобода слова, идейный плюрализм. Вместе с тем в исследованиях отмечалось, что актуализация этих ценностных императивов демократии привела к противоречивым процессам: в новой политической системе страны в условиях идейного разнообразия и сохраняющейся непримиримости ценностных ориентаций различных социальных слоев, централизованному государству стало затруднительно сохранять свой высокий статус, обеспечивать реализацию своих решений. В стране отсутствовали должные ресурсные возможности и для защиты прав личности, обеспечения приоритета норм кодифицированного права в жизнедеятельности общества.

Проблематичным становилось достижение устойчивости страны, преодоление соперничества политических сил, не ведающих компромиссов. Затрудняло ситуацию и то, что плодами перемен воспользовалась ограниченная часть общества. За годы реформ позитивных изменений в жизни подавляющего большинства населения не произошло. Это осложнило судьбу демократических реформ, усилило их делегитимизацию.

Низкая экономическая и социальная эффективность реформ, проявление их криминальной составляющей заставила засомневаться не только общество, но и политический истеблишмент в адекватности выбранного направления модернизационных процессов. Растущее политическое отчуждение переросло в рассогласование действий политических структур с перспективой социально-политической дезинтеграции. Постоянная радикализация политического процесса через призму формулы «противники – сторонники реформ» буквально раскалывали общество [12, с. 7, 9].

Безусловно, иное качественное наполнение реформ могло иметь место при укреплении взаимответственности государства и бизнеса, исполнительной и законодательной ветвей власти, институтов контроля государства и гражданского общества. Однако механизм правового обеспечения для такого рода действий в исследуемое время еще не был выработан, что объективно привело к существенному уменьшению либерально-демократической составляющей в российской социально-политической реальности. Эмпирическое изучение кризисной общественной ситуации показало, что восстановлению интегративного устойчивого развития страны может способствовать, прежде всего, усиление регулятивной роли государства.

К концу XX века в научных исследованиях стала отстаиваться онтологическая значимость централизма, который в специфических российских условиях политически обеспечивал территориальную целостность страны, экономически выполнял задачу аккумуляции ресурсов и их относительно рациональному распределению и перераспределению. Причины кризисной ситуации в стране стали увязываться с наметившимся еще в перестройку ослаблением централизма, в результате чего в стране произошли политическая и экономическая дезинтеграция, хаотизация общества [13, с. 4]. В научной жизни укреплялось мнение, что неправомерно демократию понимать только в либерально-западном духе, что у каждого типа и уровня культуры может быть своя демократия. Сам либерализм должен пониматься, прежде всего, как средство повышения уровня социального порядка [14, с.21]. Данные переориентации в общественном сознании стали прологом появления на рубеже XX – XIX вв. новых подходов к реформированию России.

В исследуемый период потребность совершенствования государственного механизма усилила концептуализацию проблем развития российского конституционализма и парламентаризма как важнейших компонентов формирующейся новой политической системы

страны. Эти вопросы рассматривались в контексте изучения законодательства различных стран, генезиса обсуждения конституционного вопроса в отечественной политической жизни, сопоставления конституционных норм и их реализации с целью определения социально-политических функций конституционализма вообще, в России в частности [15, с. 44]. Такое объемное исследование конституционализма позволило определить основные тенденции его укрепления, характер его преемственности. Современным реалиям конституционного устройства общества наиболее созвучны были либеральные концепции, достигшие особой глубины на рубеже XIX – XX вв.

В трудах видных представителей либеральной мысли Б.Н. Чичерина, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, В.М. Гессена и др. исследовался широкий круг проблем в области взаимоотношения человека и власти, политики и нравственности, сущности государственных институтов, демократической формы правления в жизни общества.

Большое значение для постсоветского модернизационного процесса имели взгляды этих ученых на роль государственного начала в обеспечении общественной солидарности и ценности закона в этом процессе. Сохраняла актуальность разработка мыслителями прошлого теории прав человека, положившая начало отечественному правоведению. Важный теоретико-познавательный характер носят также содержание их идей о сущности конституционного правового государства, разделения властей. Вместе с тем, в исследованиях постсоветского времени признавалось, что укрепление древа российской государственности на началах единственно либеральной доктрины означало бы движение по кругу. Либерализм в прошлом слабо соотносился с российской действительностью. В России в условиях кризисного развития устойчивость общественно-политической системы могла быть обеспечена при сбалансированности либеральных и консервативных начал [16, с. 44].

В свете исторического опыта в постсоветский период происходила концептуализация развития парламентаризма в России. В аналитических исследованиях подчеркивалось, что понятие «парламент» впервые было употреблено в отношении Государственных Дум, сформированных в начале XX в. под давлением революционного процесса. С этого времени началось осмысление идеи соединения представительства и законодательства на основе разделения властей. Однако, как подчеркивается в исследованиях, с самого начала в теории парламентаризма появились неоднозначные оценки этой политической формы: роль Государственной Думы либо сводилась к функциям «говорильни», имеющей косвенное отношение к реальному законотворчеству, либо, напротив, в парламенте виделось средоточие всех других властей [17, с. 145]. После победы большевиков была признана неприемлемость парламентаризма для советского народовластия. Накопление определенного парламентского опыта происходило в 1989 – 1993 гг. в рамках Верховных Советов СССР и России, а после их демонтажа в контексте законодательной деятельности Федерального Собрания Российской Федерации. Параллельно с накоплением данного опыта в исследуемый период происходило теоретическое осмысление сущности парламентаризма, что выступало предпосылкой эффективности соответствующей практики. И хотя в исследуемый период законотворчество осуществлялось в режиме «цейтнота», более пристальное внимание в аналитических исследованиях уделялось не столько законодательным достижениям, сколько проблемным вопросам, ждущим своего правового урегулирования. К их числу относилось выявление места представительного органа власти в организации государства и общественной жизни, более четкого определения его функций и компетенций в механизме разделения властей, путей преодоления противоречий между органами государственной власти, как в центре, так и на местах [18, с. 225]. Большой объем работы предстояло выполнить в области нормативного оформления процесса складывания нового российского федерализма, организации деятельности представительных и законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. В исследуемый период в повестке дня актуальной оставалась потребность

преодоления неопределенности вопросов, связанных с функционированием системы местного самоуправления. В исследуемый период, данный низовой уровень, от которого зависит прочность основания государственности, не имел статусного обоснования его роли в вопросе, рассматривать ли местное самоуправление как форму децентрализации власти и обеспечения самостоятельности местных органов или же, как форму самоорганизации населения местных территориальных образований. Не дошло до актуализации на законодательном уровне правовое регулирование нормативных принципов и по многим другим сферам жизнедеятельности общества. Вместе с тем, принятые федеральные законы обеспечили существенный задел в необъятном правовом поле, которое предстоит осваивать народным избранникам в будущем [19, с. 148].

Таким образом, краткий анализ научных подходов в области политико-правовой проблематики, выработанных в исследуемое время, позволяет прийти к выводу о том, что многие идеи, направленные на совершенствование общественного устройства России, хотя и не обеспечили одномоментного решения многих сложнейших проблем, были не бесполезны. Именно в последнее десятилетие XX века была обеспечена теоретическая разработка ведущих направлений развития общества и государства, на баз которой стало возможным дальнейшее научное обоснование путей совершенствования устройства общественно-политической жизни в стране, сохранения ее единства и целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальные модели федеративных государств. Материалы «Круглого стола». // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 1.
2. Там же.
3. Состояние и перспективы российского федерализма: политика, право, экономика. //Социально-политический журнал. 1997. № 4.
4. Иванов В.Н. Российский федерализм: что дальше? //Социально-политический журнал. 1997. № 6.
5. Мацнев А.А. Этнополитические конфликты: природа, типология и пути урегулирования. //Социально-политический журнал. 1996. № 4
6. Андреев А.Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства.//Общественные науки и современность. 1996. № 1.
7. Иванов В.Н., Ладодо И.В., Назаров М.М. Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации (по результатам исследований в регионах РФ). //Социально-политический журнал. 1996. № 3
8. Там же.
9. Баграмов Э.А. На путях формирования новой концепции национальных отношений. //Социально-политический журнал. 1996. № 3.
10. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения. //Общественные науки и современность. 1998. № 6
11. Соловьев А.И. Causae и каверзы политической демократии. //Общественные науки и современность. 1998. № 6
12. Левашов В.К. Россия на путях реформ. //Социально-политический журнал. 1998. № 4.
13. Ильин В.В., Ильина Т.А., Лощатова С.М. Россия: год 1996 – итоги и перспективы отечественных реформ. //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. № 1.
14. Шилов В.Н. Права человека в контексте современных проблем. //Социально-политический журнал. 1996. № 2.
15. Медушевский А.Н. Конституционный вопрос в России. //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. № 5.
16. Панченко А.В. Теория конституционного правового государства в либеральной мысли России XIX – начала XX в. и современность. //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. № 6.
17. Шумаван Н. Аналитические доклады Фонда развития парламентаризма в России: самоосмысление российского парламентаризма. //Политические исследования. 1996. № 6.
18. Романов Р.М. Понятие и сущность парламентаризма. //Социально-политический журнал. 1998. № 4
19. Шумаван Н. Указ соч.